

УГНЕТЁННОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОЗДНЕГО СССР

Вахрушева Наталья Андреевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и управление»
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет»
член редколлегии журнала «Теоретическая экономика», г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: ashatan1985@mail.ru

Корняков Василий Иванович

доктор экономических наук, профессор
ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина» (Ярославский филиал)
член редколлегии журнала «Теоретическая экономика», г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: vikorn1@rambler.ru

УДК 330.3, 338.1

УГНЕТЁННОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОЗДНЕГО СССР

Аннотация: В последнее время общее видение угнетённого развития нашей экономики общественностью постепенно расширяется и содержательно, и по временному охвату. Оно начинает распространяться с четверти века российской экономики на последнее тридцатилетие экономики СССР, объединяя, таким образом, экономическую кинетику позднего СССР со всем развитием экономики РФ. Застрельщиками этого более широкого подхода к отечественному экономическому росту выступили не профессионалы-экономисты, а журналисты. Авторы же данной статьи развенчивают упомянутый миф. Развивая высказанные ранее идеи, они исследуют объективную причину «советского экономического чуда» в послевоенные годы, проигнорированную в позднесоветский и теперешний периоды.

Ключевые слова: экономический рост; общественное воспроизводство; затраты; цена; конечный продукт; совокупный общественный продукт; пресуществление; воспроизводственный поток; трудоемкость; производительность труда.

OPPRESSED ECONOMIC DEVELOPMENT LATE USSR

Abstract: Recently general vision of oppressed development of our economy by the public gradually extends and is substantial, and on a temporary scope. It begins to extend with quarter of the century of the Russian economy to the last thirtieth anniversary of economy of the USSR, uniting, thus, economic kinetics of the late USSR with all development of economy of the Russian Federation. Not professional economists, but journalists acted as leaders of this broader approach to domestic economic growth. Authors of this article discredit the mentioned myth. Developing the ideas stated earlier, they research the objective reason of «the Soviet economic miracle» in post war years ignored during the late Soviet and present periods.

Keywords: economic growth; public reproduction; expenses; price; final product; cumulative public product; implementation; reproduction stream; labor input; labor productivity.

Откуда затянувшееся несчастье отечественной экономики: шестьдесят лет угнетённого развития

Автор «Российской газеты» Л. Радзиховский выступил с идеей, что причины вялой-депрессивной российской экономической динамики в том, что экономика РФ восприняла-унаследовала от позднего СССР некие принципиальные направляющие («что-то главное, генетический код», рождающие «массу факторов»), что и губит её, генерируют «прогрессирующую неконкурентоспособность». «В «лихие

90-е» была перезагрузка – переход от Госплана к рынку... Но сейчас все эти драйверы – отработали. Рынок (уж какой есть!) создан, молодёжь рвётся не в бизнесмены, а в «административные рантье», а золотую рыбку (в нефтегазовом море) не поймёшь – зело капризна.

Так какие же у нас резервы? Какие конкурентные преимущества? Рабочая сила дорогая – по сравнению с другими БРИКСами, производительность – низкая по сравнению с ЕС, а «экономика знаний» вроде не идёт дальше планов и клятв.

Отлив... Экономический? Социальный? Системный? Исторический? А есть ли способ «вызвать прилив», кроме нового прилива нефтедолларов?» [19].

Вопрос поставлен с предельными прямоотой и остротой: что же такое погубило экономику СССР и губит российскую экономику, вызвав «отлив» той и другой и превращая отечественное хозяйство, словами Я. Миркина, в «экономику сжатия» [13]. Это самое важное. И, как следствие, – второй вопрос, производный: преодолимо ли это «что»? Как, каким образом, какой экономической политикой?

Наши многолетние исследования привели нас к убеждению: искомое «что» (далее просто «Ч») располагается там, где никто всерьёз его не ищет ввиду крайней, вроде бы безнадежной оторванности этого его («Ч») местоположения от цен на нефть, бюджетного правила, валютных курсов и всего такого, что тысячами экспертов с тем или иным успехом-неуспехом отслеживается-выслеживается для прогнозирования конкретной (текущей, среднесрочной) динамики производства. Это его местоположение определено теорией К. Маркса общественного воспроизводства, которую экономическая наука так и не научилась применять для понимания превратностей экономического роста, хотя обнаруживающаяся тяга к изучению «Капитала» свидетельствует об интуитивном чутье исследователей в отношении депозитария важнейших тайн современного общества.

Наша главная мысль в том, что в сфере обратных связей общественного воспроизводства наличествует объективное движение воспроизводственных совокупностей, которое и является неизвестным до сих пор экономистам «Ч», то есть действительно определяет такие главные режимы реально функционирующего общественного воспроизводства, как «экономика расширения» и «экономика сжатия», причём эти режимы предопределяются не придуманными нами воспроизводственными движениями, а теми именно позиционированиями, движениями общественного воспроизводства, которые запечатлены моделями автора «Капитала». Приступаем к разъяснению этих наших идей, которые содержательно опираются на положения всегда современного, не стареющего «Капитала».

Прежде всего – об обратных связях общественного воспроизводства. Текстуально этого термина автор «Капитала» не употребляет, но он показывает их доминирующее значение своими схемами реализации годового совокупного общественного продукта (СОП). Из 9000 стоимости СОП только 3000 линейно проходят на выход из сферы общественного воспроизводства, зато 6000, всё I подразделение, не только остаются внутри сферы, но обязаны своим появлением, бытием обратным связям – ежегодным круговым движениям, как бы вращению 4000 «производства средств производства для средств производства» по «кольцу Маркса». Нам неизвестны исследования общеэкономического значения вращения «кольца» помимо того, что им обеспечиваются возмещение израсходованных средств производства и общая пропорциональность общественного воспроизводства. Но о каком-либо особенном, специфическом «участии» этого вращения в конкретном экономическом развитии, росте большой национальной экономики никаких идей в доступной авторам литературе не высказано.

Общеизвестно, что схемы К. Маркса иллюстрируют и обнаруживают законы полной реализации СОП, требующей строгих соответствий между его важнейшими воспроизводственными совокупностями внутри них. Понятно также, что эти законы «осуществляются путём неосуществления», – в долгосрочном итоге с участием экономических кризисов, а конкретно-моментно пропорции, требуемые законами, не соблюдаются. И самым стойким, постоянно действующим нарушителем пропорций, источником их возмущений является повышение производительности труда. Мы

покажем, что именно воспроизводственное круговое движение «кольца Маркса» является конечным воспроизводственным получателем и гасителем этих возмущений, ресурсным корректором всего общественного воспроизводства, а его функционирование – тем именно «Ч», о котором говорилось выше и установления, выявления которого ждет общественность страны.

Теперь подробнее о воспроизводственных структуре, движении и функциях «кольца». Экономическая литература до сих пор игнорирует, что оно своим естественным устройством предназначено для воспроизводственного восприятия роста производительности труда, введения вызванного им возмущения в воспроизводственное равновесие и постепенное гашение возмущения при общем экономическом содержании, сущности процесса, о которых мы скажем дальше.

«Кольцо» образовано двумя блоками-совокупностями. Первый – весь функционирующий капитал I подразделения в стоимостном выражении: средства производства, движимые всем живым трудом, оплаченным и неоплаченным. Его функция – не только создание продукта. Это также и приём, получение, фиксация возмущений (воспроизводственного равновесия) и введение возмущений в режим воспроизводственного равновесия. Пусть, например, производительность живого труда выросла настолько, что из текущего производства высвобождена половина живого труда, почему первый блок в схемах Маркса предстаёт не $4000C+1000V+1000M=6000$ [12], а $4000+1000H=5000$, где H – новый живой труд. Тогда, создавая годовой продукт подразделения, образующий второй блок «кольца», первый блок как бы вернёт «кольцу» воспроизводственное равенство, произведя второй блок в той же новой величине 5000: 5000 первого блока равняются 5000 второго. Но второй блок не просто фиксатор сделанного первым. Он – гаситель всего возмущения. Он должен совершить возвратное движение обратно в производство (в первый блок для восстановления израсходованных там средств производства). Но, в нарушение достигнутого равновесия, движение не всей 5000 стоимости, а лишь её $\frac{2}{3}$, так как натурально-вещественно как первый, так и второй блоки – прежние (рост производительности выразился лишь в экономии части живого труда), а у Маркса именно $\frac{2}{3}$ второго блока шло на возмещение производственного капитала первого: 4000 из 6000. Только теперь это будет не $\frac{2}{3}6000=4000$, а $\frac{2}{3}5000=3333,3$. Из текущего производства должно быть высвобождено, вслед за 1000 живого труда, 666,7 овеществлённого ($4000-3333,3$), то есть высвобождаются уже не сами работники, а их средства производства. Здесь уже просматриваются экономическое содержание, сущность нерукотворного процесса. Но процесс только в самом начале.

В итоге первого оборота «кольца» возмущение начало гаситься, оно уже не 1000, но ещё значительно: первый блок на 666,7 меньше второго. И в следующем году первый блок снова восстанавливает равенство, производит второй не как 5000, а уже как $3333,3+1000=4333,3$. А второй, напротив, восстанавливает возмущение, но не полностью, направляя обратно в первый не $\frac{2}{3}5000=3333,3$, а $\frac{2}{3}4333,3=2888,9$. Из функционирующего постоянного капитала выводится ещё ($3333,3-2888,9$), то есть 444,5, и так далее, от одного оборота кольца к другому. В каждом годовом обороте оба блока выполняют свои стандартные, прописанные их природной логикой (запечатленной схемами Маркса) функции, добавляя в итоге к высвобожденному ростом производительности живому труду дополнительно, без чьих бы то ни было наималейших усилий, требований, как бы «подарочно» высвобожденные средства производства.

Так происходит до сих пор не исследованное объективное воспроизводственное поглощение общественным воспроизводством повышений производительности живого труда как его экономии. Далее мы увидим, как этот далёкий от поверхности отношений воспроизводственный механизм становится фактором экономического роста и, наконец, основой «Ч». Пока же представим некоторые значимые пояснения к уже выясненному.

В экономической литературе обычно не поясняется, что рост производительности живого труда не может быть экономией одного лишь отработанного времени функционирования человеческой рабочей силы. И совершенно напрасно. Ведь рост производительности, в отличие от

роста интенсивности труда, происходит без увеличения трудовых нагрузок на работников. А это значит, что с высвобождением живого труда, самих работников высвобождаются и сами рабочие места, в которых эти работники были заняты. Оно, высвобождение производственного оборудования – постепенное, многолетнее и объективно не может быть разовым, однократным. Это не допускается сложностью технологических связей между видами техники. И действующий воспроизводственный механизм, в общем, соответствует данной максиме.

Совершенно нетрудно определить «мощность» воспроизводственного ресурсного механизма – массу высвобожденного овеществлённого труда на единицу сэкономленного повышением производительности живого. Теоретически она должна определяться органическим строением данного производства, – тем, какая масса средств производства приходится на единицу переменного капитала. Но она вполне квантитативна в рамках уже проведённых расчётов. Выясненное ежегодное выбытие оборудования из состава функционирующего капитала в ресурс социума подчиняется закону убывающей геометрической прогрессии, и сумма её членов в «кольце» составляет (в пределе) 2000. Плюс 1000 за пределами кругового движения в потоке, направленном во II подразделение. Итого даровые 3000 на 1000 сэкономленного усилиями работников, повышением производительности их живого труда: невиданная-неслыханная норма выгоды, бонуса для экономики как таковой. 300% встречалась в ней разве что в чаяниях индивидуалов-авантюристов, готовых ради них на любое преступление даже под страхом виселицы [12].

Правда, основная масса членов упоминавшийся геометрической прогрессии – экономически малозначащие величины. Но ведь пока речь шла только об одном-единичном (хотя, ради иллюстративности, преувеличенно большом) годовом повышении производительности. Таких не бывает. Рост производительности всегда многолетний, следовательно, многолетние последовательности высвобождений оборудования повышениями производительности смежных лет суммируются, образуя в конечном итоге в каждом году величины, близкие к приведённой выше.

Функционирование воспроизводственного ресурсного механизма явно благоприятствует повышению производительности труда и экономическому росту, причём не всякому, а через таковое. Это не должно удивлять. Его «строителем» является Природа, соответственно расположившая совокупности общественного воспроизводства, его материю и задавшая алгоритмы их движения. Рост производительности труда – уникальнейший, один-единственный во всей Большой Вселенной негэнтропийный процесс, не рассеивающий, а концентрирующий энергию [21]. Цели Природы здесь до сих пор точно не установлены, хотя, понятно, речь может и даже должна идти о чём-то связанном с будущим человеческой цивилизации. И в эту логику вполне встраивается патронаж Природы над способом, путём оптимального многолетнего использования мыслящей материей, человеческой цивилизацией (тоже природными силами) уникальной природной силы повышения производительности человеческого труда, соединение (синтез) указанных природных сил.

Теперь о практически решающем средстве включения или, напротив, отключения действия рассмотренного воспроизводственного механизма естественного ресурсного благоприятствования повышению производительности труда. Это средство – допущение или, напротив, недопущение соединения, слияния повышений производительности труда с общественным воспроизводством. Из личного опыта знаем, что некоторым экономистам (особенно производственникам) такая постановка представляется странной, даже нелепой. Нам говорили: поскольку рост производительности фактически поимел место, значит, он так или иначе – уже в общественном воспроизводстве. Но это категорически не соответствует действительности.

При товарно-денежных отношениях ни одно производственное действие само по себе не становится общественным фактом экономики. Любая производственная акция, чтобы воспроизводственно продлиться, должна запечатлеться денежно и быть оплаченной. Если товар не продан – это равнозначно тому, как если бы он не был произведён, его не существовало, с какими бы

производительностью и качеством он ни был произведён. Поэтому Маркс называет продажу товара его «пресуществлением» (этот христианский термин означает в таинстве евхаристии превращение обычных хлеба и вина в тело и кровь Христовы) [3]. И более высокая производительность труда будет ассимилирована общественным воспроизводством лишь тогда, когда она, став экономией живого труда, то есть снижением трудоёмкости каждого изделия, закрепит это уменьшением не только удельных издержек, но и продажной цены, благодаря чему войдёт в технологические цепочки производства конечных продуктов. В таком ценовом облике повышение производительности выразится вкладом в уменьшении стоимости промежуточного и конечного общественных продуктов (тех же натурально-физических составов), изменение общего соотношения между живым и овеществлённым трудом и примерно одновременно – возмущением равновесия в рассмотренном нами воспроизводственно-ресурсном механизме. В нём «заработает» рассмотренный выше алгоритм ресурсного механизма. И иного «включения» действия этого механизма, оптимально благоприятствующего развитию производства, попросту не существует.

В нашей стране вот уже более шестидесяти лет не существует снижения отпускных цен соответственно повышению производительности труда. То есть в течение всего этого времени рост производительности труда отталкивался общественным воспроизводством. Стоит ли удивляться, что техника-технологии производства весь этот период, не развивались, «застыли» в образцах 1950-1960-х годов. И это уже приближает нас к выявлению «Ч».

Правда, здесь возможно весьма серьёзное возражение. На Западе выраженное снижение отпускных цен при повышении производительности труда отсутствует, но катастрофы с научно-техническим и технологическим прогрессом не наблюдалось, соответствующим революциям вроде бы ничего не препятствовало. И в последние годы научными исследованиями доказано: «устройство» экономики там таково, что по ряду направлений её прямые сопоставления с российской исключены.

Там, в отличие от РФ, получает завершение открытая Р. Гильфердингом и В.И. Лениным тенденция монополизации общественного воспроизводства. И в настоящее время все ТНК глобально объединены грандиозным суперсубъектом [15]. Давно выяснено, что финансовая монополизация сопровождается монополизацией научно-технической, то есть существует всемирный центр, глобально обеспечивающий всем ТНК создание-продвижение технических-технологических новшеств. Очевидно, что возможности российской и западных экономик в отношении эффектов обратных связей общественного воспроизводства нельзя сравнивать.

Итак, и в поздней советской, и в постсоветской экономике «допуск» к использованию эффекта оптимального воспроизводственного благоприятствования экономическому росту напрочь закрыт-перекрыт укоренившейся практикой ценообразования, придерживающейся цены даже при повышении производительности труда, а тем более – практикой инфляции. Повышения производительности оказываются вне общественного воспроизводства, функционирование ресурсного воспроизводственного механизма невозможно.

Мы сознаём, что наша опора на схемы Маркса совершенно недостаточна для согласия специалистов с представленными положениями. Ведь теория общественного воспроизводства – самый абстрактный раздел его и без того богатого абстракциями экономического учения. И без обращения к практике мы сами не рискнули бы выступать со всем вышесказанным. Но мы хотим обратить внимание читателей, что наши теоретические положения подтверждаются совершенно особенной практикой – практикой последней в нашей экономической истории «экономики расширения». Тот единственный раз, когда крупная национальная экономика развивалась на базе снижения отпускных цен соответственно росту производительности труда, как раз и был последним по времени блистательным экономическим подъёмом, уже названным специалистами «советским экономическим чудом». Это совпадение уже само по себе тоже нельзя не считать весьма красноречивым доказательством выдвинутой теории. Хотя главное, конечно, – это конкретное

содержание единственной в нашей истории экономики снижающихся цен.

Послевоенная сталинская экономика снижающихся цен – не просто чудо, а чудо помноженное, кратное, даже возведённое в степень. Первое чудо – особого, можно сказать, всемирно-исторического масштаба: восстановление порушенного разрушительнейшей и кровопролитнейшей из войн всего за 2,5 лет вместо 70, предсказанных экспертами Запада. Оно сливается со вторым – чудом нового созидания. Успешно строились тысячи новых предприятий и сооружений, в том числе истинно грандиозных «великих строек коммунизма», развёртывался ракетно-ядерный щит, уже в те годы защитивший страну от запланированных было нападений недавних союзников. Масштабы этого созидания остались непревзойденными и не повторёнными: ежегодные приросты национального дохода и производительности труда составляли по десять и более процентов. Значащими составляющими чуда были бурное развитие науки, образования, культуры. И на все чудеса у недавно дотла разорённой страны, к тому же напрочь лишённой внешних помощи, заимствований, инвестиций, настолько доставало ресурсов, что заранее заявлялись и строго выдерживались сроки исполнения крупнейших проектов. И это было, возможно, основным, ресурсным чудом. Откуда от недавно вышедшего из военных лихолетья и разорения СССР, потерявшего в войне четверть населения, брались для всего этого ресурсы? Нам представляется, ответа на этот вопрос в имеющейся литературе нет. Но все вопросы снимаются, если объяснить сталинское чудо опорой на благоприятствующий природный ресурсный эффект обратных связей общественного воспроизводства.

Именно благодаря этому эффекту живой труд работников рассматриваемой экономики оказывается кратно более производительным. Высвобождаясь из производства при росте выработки, он тянет за собой вереницу овеществлённых трудов сначала из технологических цепочек обработки, затем, на уровне воспроизводственных совокупностей, также и из «кольца Маркса», образовав в конечном итоге дополнительную свободную производительную силу в составе живого и овеществлённого труда. Она не только вступает в производство, увеличивая его объём. Она дополнительно повышает и собственную производительность, то есть производительность труда здесь как бы самовозрастает. Всё это многолетние следствия даже одного годового повышения производительности, сливающиеся в итоге многих таких повышений в процессы экономического подъёма. Они мало обнаружимы или совсем не обнаружимы в обычных общепринятых показателях текущего производства. А мониторинг совокупностей общественного воспроизводства и для теории, и для практики пока ещё во многом *terra incognita*. Полагаем, подобного рода трудности, помноженные на непонимание даже сподвижниками И.В. Сталина глубоко производительного характера его экономики снижающихся цен, побудили его преемников расстаться с нею, – зарезать курицу, доставлявшую стране золотые яйца. И в итоге режим благоприятствования (экономическому подъёму) функционирования «кольца» сменился режимом «Ч».

Вообще-то второе действие «кольца» – в самой его природе. Для его инициирования необходимо возмущение равновесия, но им может быть, как выведение (при росте производительности), так и добавления (при её падении) живого труда. Все цифры – прежние, но с обратным знаком. И общим итогом такого годового оборота «кольца» будет не выведение из производства, а, напротив, затребование в производство, как обязательное условие его сбалансированного воспроизводственного продолжения, дополнительной массы живого труда.

Однако ни в позднем СССР, ни в РФ как будто бы не было, нет оснований для такого «включения» «кольца»: падения производительности труда не происходило (кроме её «обвала» в РФ в 1990-е годы). Однако отсутствие значимой тенденции падения производительности труда весьма действенно заменено... инфляцией.

Сталинская экономика снижающихся цен была, понятно, антиподом инфляции. Инфляция исторически была инъектирована в послевоенную советскую экономику заменой в 1958 году сталинского показателя оценки хозяйственной деятельности предприятий, исключавшего инфляцию

(абсолютного снижения себестоимости сравнимой продукции), двусмысленным показателем, заинтересовывающим заводы в завышении и затрат, и цен. И цены, сразу перестав снижаться, поползли вверх и ползут вплоть до сегодняшнего дня. А ценовая инфляция по внешним признакам неотличима от снижения производительности, хотя содержательно и не имеет с ней ничего общего. При инфляции стоимость определённого продукта выражается в возросшей массе номинально тех же самых денег, как если бы производство этого продукта стало требовать большего количества общественного труда. Рассмотренный ресурсный воспроизводственный механизм «обманывается» (обманут?) и вступает в действие в режиме снижения производительности труда. Отечественная инфляция выражено несбалансированная, неравномерная, что обязательно приводит к неравенству денежных выражений блоков воспроизводственного ресурсного механизма, а механизм нацелен, мы видели, на гашение таких возмущений. В этот момент и рождается «Ч» отечественной экономики, подорвавшее её советскую и подрывающее её российскую составляющую.

Механизм «работает» на воспроизводственное балансирование падения производительности труда, которого в действительности нет. Он вводит в органику общественного воспроизводства как подлежащие обязательному воспроизводственному завершению-удовлетворению затребования добавочных средств производства. Но добавочных работников в экономике нет, производительность не снижалась. В этой точке воспроизводственного процесса объективно рождается его как бы дефицитность, отсутствие объективно требуемого им наполнения извне. К сожалению, никаких ни детальных, ни общих исследований происходящего здесь не было. Неясно даже, как их, эти исследования, организовать, провести. Ведь всё выглядит по-настоящему для любого наблюдателя невидимо. Несомненна лишь общая констатация: в этом месте «вспыхнул» обманный дефицит в ресурсах, выглядящий извне как совершенно реальный-настоятельный и потому невидимый ни для практиков, ни для теоретиков. В одном таком годовом факте-событии самом по себе ничего особо страшного для экономики нет. Общественное производство, бывает, «закладывает» отраву и позабористей. Проблема рождается из постоянного-устойчивого «заглатывания». Советская инфляция тридцать лет не обнаружимо год за годом инициировала рождение лжедефицитов, фантомность которых никак не обнаруживалась. Российская инфляция сильнее и соответственно «работает» вот уже четверть века. Это – такие сроки, когда вполне определяется доминирование выявленного «Ч», а его тормозящее воздействие становится одним из главных факторов реальной экономической динамики. Но в позднем СССР и в РФ это тормозящее воздействие «Ч» сказывалось неодинаково.

В СССР идеология страны требовала недопущения дефицитов средств производства. Поэтому идущие из «кольца» сигналы («крики») о необходимости добавочных средств производства, так или иначе, улавливались, и приводили плановую систему в движение. Для гашения фантомных дефицитов средств производства перераспределялись ресурсы, изыскивались капиталовложения, – за счёт производства предметов потребления. В этой войне с воспроизводственными фантомами ни побед, ни успехов быть не могло, фантомы оказывались неустранимыми, растущими. Зато образовывались и нарастали реальные дефициты предметов потребления и «хвосты» незавершённых капиталовложений.

Иначе выступает «Ч» в пореформенной российской экономике. Казалось бы, здесь-то должно быть всё в порядке: в рыночных экономиках как реальные дефициты, так и лжедефициты гасятся стандартно мгновенными повышениями цен. Но наш случай – это обманность дефицитов, которая никому не видна. Для всех они выглядят настоящими, значимыми и важными необходимостями и, конечно, нацеленно гасятся не всегда. Все воспроизводственные совокупности своими движениями делятся, снова соединяются, в той или иной степени смешиваются, заражаются и перезаражаются лжедефицитами. Ежегодно рассмотренный выше механизм «подкидывает» новые и новые лжедефициты. За годы и годы экономика, общественное воспроизводство оказываются никому не

видимой непонятно перепутанной мозаикой действительных и ложных (то есть не имеющих основания в натурально-физическом воспроизводстве) спросов-предложений, или, как метко определил её Я. Миркин, «экономикой неизвестности». Даже в одной и той же отрасли никому не понятным образом бурный рост сочетается с катастрофическим падением. «Попробуйте понять, что будет с экономикой в целом, если производство медной проволоки падает на 32 процента, а медной фольги растёт в 2,1 раза!» [14]. Всего за год производство внутри отраслей и регионов вместо «благородных» +3 и -3 прыгает на многие десятки процентов и в разы. И не случайных-экзотических их видов, а важных, важнейших и критически важных таких, как «газ, энергия и вода – основа основ» [14]. «Но что там происходит на самом деле, в чём физика процесса? Нет ответа в публичном пространстве, никто не звонит в колокола, и что там делается – бог знает. ..Кому-нибудь это интересно? Что происходит там, в городах и местностях, где экономику шатает под ветром и дождём? Но разве можно быть спокойным? Лучше бы жечь свет ночами, как от промышленной лихорадки перейти к повсеместному росту!» [14].

«Экономика пляшет», понятно, не просто так. По нашему мнению, её «трясёт» многолетнее никому не видимое воспроизводственное «Ч», непрерывно посылая в неё ложные запутывающие сигналы. Такой экономике подъёма не видать. Для вхождения в режим «экономики расширения» надо покончить с нашим многодесятилетним «Ч». И на повестке дня должны быть поиски согласия с Природой, уже определившей, каким должен быть надёжный и оптимальный путь здорового экономического подъёма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Альпидовская М.Л., Вахрушева Н.А., Корняков В.И. В чем могла бы состоять смена модели российской экономики / М.Л. Альпидовская, Н.А. Вахрушева, В.И. Корняков // Теоретическая экономика. – 2015. – № 6 (30). – С. 8-15.
2. Алексеева Н.А. Новая концепция исследования современной экономической системы / Н.А. Алексеева // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. – 2015. – № 1. – С. 1-4.
3. Алексеева Н.А., Вахрушев Д.С. Совокупный общественный продукт как актуальная категория современной экономической науки / Н.А. Алексеева, Д.С. Вахрушев // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2013. – Т. 175. – С. 130.
4. Алексеева Н.А., Корняков В.И. Объемные структуры общественного воспроизводства / Н.А. Алексеева, В.И. Корняков // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. – 2013. – № 4. – С. 13-20.
5. Алексеева Н.А., Корняков В.И. Схемы, законы реализации: экономическая пластичность, более широкие действия и применения / Н.А. Алексеева, В.И. Корняков // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. – 2014. – № 7 (23). – С. 33-45.
6. Алексеева Н.А., Корняков В.И. О классическом уровне теории общественного воспроизводства / Н.А. Алексеева, В.И. Корняков // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. – 2012. – № 1 (18). – С. 7-19.
7. Алексеева Н.А., Корняков В.И. О тенденциях динамики органического строения капитала и производства / Н.А. Алексеева, В.И. Корняков // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. – 2012. – № 3. – С. 12-24.
8. Вахрушев Д.С., Чайка А.В. Проблемные аспекты фундаментальных оснований теорий, объясняющих закономерности функционирования финансовых рынков / Д.С. Вахрушев, А.В. Чайка // Интернет-журнал Науковедение. – 2012. – № 4 (13). – С. 12.
9. Вахрушев Д.С. Самоорганизация и динамическая устойчивость экономических систем: теоретико-

- методологические аспекты / Д. С. Вахрушев // Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. Кострома, 2004.
10. Вахрушева Н.А., Корняков В.И. От затрат к результатам / Н.А. Вахрушева, В.И. Корняков // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. – 2015. – № 4. – С. 1-6.
11. Вахрушева Н.А., Корняков В.И. Эффект вертикальных обратных связей общественного воспроизводства / Н.А. Вахрушева, В.И. Корняков // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. – 2015. – № 3. – С. 99-105.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е. Т. 24. С.447-448.
13. Миркин Я. Кардиограмма экономики / Я. Миркин // Российская газета. – 2016. – 26 апреля. – С.11.
14. Миркин Я. Экономика неизвестности / Я. Миркин // Российская газета. – 2016. – 6 июня. – С.12
15. Катасонов В. О суперсубъекте, или комитете 147 / В. Катасонов // Экономическая и философская газета. – 2013. – №3-4. – С.17.
16. Корняков В.И., Вахрушева Н.А. Природное регулирование общественного воспроизводства: сколько можно помыкать им? / В.И. Корняков, Н.А. Вахрушева // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. – 2016. – № 4. – С.108- 126.
17. Корняков В.И., Вахрушева Н.А. Инновационный Маркс: новые подходы к общественному воспроизводству / В.И. Корняков, Н.А. Вахрушева // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. – 2016. – № 10 (26). – С. 69-79.
18. Корняков В.И., Вахрушева Н.А. О необходимости восстановления естественного ресурсного регулирования общественного воспроизводства / В.И. Корняков, Н.А. Вахрушева // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. – 2016. – № 10 (26). – С. 51-68.
19. Радзиховский Л. Отлив // Российская газета. – 2015. – 1 сентября. – С.3.
20. Улюкаев А. Привыкнуть к реальности / А. Улюкаев // Российская газета. – 2014. – 30 декабря. – С. 49
21. Чесноков В.С. Подолинский: концепция социальной энергетики. // Век глобализации. – 2010. – Выпуск №2 (6). [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/130867/>